МАРИ-МАДЛЕН

ДЕ ЛАФАЙЕТ

Принцесса Клевская

Принцесса де Монпансье

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Зарубежная классика (АСТ)

Мари де Лафайет

Принцесса Клевская. Принцесса де Монпансье

«Издательство АСТ»
1662, 1678

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

де Лафайет М. М.

Принцесса Клевская. Принцесса де Монпансье / М. М. де Лафайет — «Издательство АСТ», 1662, 1678 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-189900-4

Мари-Мадлен де Лафайет стояла у истоков психологической прозы во Франции XVII века. В романе «Принцесса Клевская» и новеллах «Принцесса де Монпансье», «Графиня Тандская» писательница умело переплетала реальность и вымысел. В центре повествования были чувства и судьбы женщин. Все три произведения были экранизированы. «Историю Генриетты Английской» мадам де Лафайет начала писать по просьбе принцессы. В тексте нашли отражение и политика, и быт при дворе, и любовные интриги, и даже загадочная кончина принцессы Генриетты.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-189900-4

© де Лафайет М. М., 1662, 1678
© Издательство АСТ, 1662, 1678

Содержание

Принцесса де Монпансье 6
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Мари-Мадлен де Лафайет
Принцесса Клевская.
Принцесса де Монпансье

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с французского
Ю. Гинзбург
И. Кузнецова
Н. Световидова

© Перевод. Ю. Гинзбург, наследники, 2026
© Перевод. И. Кузнецова, 2026
© Перевод. Н. Световидова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Принцесса де Монпансье

Предуведомление издателя

Почтение, которое мы питаем к славному имени, вынесенному в заглавие настоящей книги, и уважение к выдающимся людям, носившим его позднее, обязывают меня, представляя эту историю на суд читателей, сказать, что она не основана ни на одной из рукописей, дошедших до нас с тех времен, когда жили личности, здесь упоминаемые.

Автор ради собственного развлечения описал приключения, от начала до конца выдуманные, и счел уместным выбрать известные в нашей истории имена, а не воспользоваться вымышленными, пребывая в уверенности, что репутации мадемуазель де Монпансье не нанесет ущерба столь очевидно неправдоподобный рассказ. Если автора и не занимали подобные соображения, то я надеюсь восполнить сей недостаток своим предуведомлением, которое лишь добавит сочинителю славы и будет данью почтения к упомянутым в книге покойникам, а также к живым, которым дорога их память.

* * *

Несмотря на гражданскую войну, раздиравшую Францию при Карле IX, любовь среди всеобщего смятения не позволяла о себе забыть и сеяла не меньшее смятение на своем фронте. Единственная дочь маркиза де Мезьера, связанная родством с одной из ветвей прославленного Анжуйского рода, наследница крупного состояния и благородного имени, была обещана в жены герцогу Майенскому, младшему брату герцога де Гиза, прозванного впоследствии Меченым. Они были еще почти детьми, когда герцог де Гиз, часто встречаясь со своей будущей невесткой, обещавшей стать редкой красавицей, влюбился в нее, и она полюбила его в ответ. Они тщательно скрывали свою любовь, и герцог де Гиз, который в те годы еще не был так честолюбив, как в зрелости, страстно мечтал жениться на ней, но не решался объявить об этом из страха перед кардиналом Лотарингским, заменившим ему отца. Так обстояли дела, когда Бурбоны, завидуя возвышению дома Гизов и видя, какие преимущества сулит этот брак, сами решили заполучить столь выгодную невесту, сосватав ее для молодого принца де Монпансье, которого иногда называли дофином. Их настойчивость была так велика, что родственники девушки, вопреки слову, данному кардиналу де Гизу, согласились выдать племянницу за принца де Монпансье. Эта перемена крайне удивила родственников герцога де Гиза, а его самого повергла в глубокое горе – влюбленный герцог воспринял ее как величайшее оскорбление. Несмотря на все уговоры дядюшек – кардинала де Гиза и герцога Омальского, не желавших идти против обстоятельств, которые невозможно изменить, – герцог не считал нужным скрывать свой гнев даже в присутствии принца де Монпансье; ненависть, вспыхнувшая тогда между ними, угасла лишь вместе с их жизнью. Измученная опекунами мадемуазель де Мезьер, потеряв всякую надежду выйти замуж за Гиза и сознавая, сколь опасно для женской добродетели иметь деверем человека, которого желаешь в мужья, решилась подчиниться воле родни и умолила герцога не препятствовать более ее замужеству. Она вышла за молодого принца де Монпансье, и тот вскоре увез ее в Шампиньи, в свой родовой замок, ибо Париж со дня на день должен был стать центром военных действий. Столице угрожала осада армии гугенотов под командованием принца де Конде, во второй раз поднявшего оружие против своего короля.

С ранней юности принца де Монпансье связывала прочная дружба с графом де Шабаном, и граф, хотя и был намного старше годами, так ценил уважение и доверие принца, что вопреки собственным интересам покинул партию гугенотов, не желая ни в чем быть противником столь влиятельного лица и столь дорогого для него человека. Поскольку переход в дру-

гую партию не имел никаких иных причин, кроме преданности и верности принцу, многие сочли это ловким притворством, а когда гугеноты объявили войну, подозрения насчет графа зашли столь далеко, что королева-мать Екатерина Медичи даже вознамерилась арестовать его. Однако принц де Монпансье не допустил этого: он сказал, что ручается за графа, и, отправляясь с молодой женой в Шампиньи, увез с собой и его. Граф, человек очень умный и мягкий, быстро завоевал уважение принцессы, и вскоре она прониклась к нему такими же дружескими чувствами, как и ее муж. Граф де Шабан, со своей стороны, восхищенный красотой, умом и благонравием принцессы, воспользовался ее расположением и исподволь развил и укрепил в ней пристрастие к высочайшей добродетели, достойной ее благородного происхождения. За короткое время он превратил молодую особу в само совершенство.

Принц вернулся ко двору, куда призывал его воинский долг, и граф остался один с принцессой, продолжая питать к ней почтение и дружбу, коих заслуживали ее достоинства и положение. Их взаимное доверие выросло до такой степени, что принцесса поведала ему о своей детской привязанности к герцогу де Гизу. Любовь эта в ней почти угасла, объяснила она, и теплится в сердце ровно настолько, чтобы сделать его недоступным ни для кого другого; поэтому теперь, когда она к тому же имеет столь твердые понятия о долге, любого, кто осмелится заговорить с ней о нежных чувствах, ожидает с ее стороны лишь презрение. Зная искренность принцессы и понимая, сколь чуждо ей легкомыслие в сердечных делах, граф не усомнился в истинности ее слов, однако это не помогло ему устоять перед ее очарованием, действие которого он испытывал изо дня в день. Потеряв голову, он, как ни мучил его стыд, не смог совладать с собой и поневоле полюбил ее самой искренней и пылкой любовью. Он перестал быть хозяином своему сердцу, но продолжал оставаться хозяином своим поступкам. Перемена в его душе не привела к перемене в поведении, и очень долго никто не подозревал о его любви. Целый год он старательно таил ее от принцессы, свято веря, что никогда и не захочет открыться. Однако любовь сделала с ним то же, что и со всеми, – внушила ему желание говорить, и после долгой борьбы, которая обычно происходит в таких случаях, он осмелился сказать принцессе, что любит ее, приготовившись выдержать бурю, неизбежную, как ему казалось, со стороны его гордой возлюбленной. Но признание было встречено со спокойствием и холодностью, в тысячу раз худшими, чем любые взрывы негодования, коих он ожидал. Она не удостоила его гневом, лишь кратко указала на разницу в их положении и возрасте, напомнила о своих моральных правилах, известных ему лучше, чем кому бы то ни было, о своей былой склонности к герцогу де Гизу и, главное, обо всем, к чему обязывала его дружба и доверие принца. Граф думал, что умрет у ее ног от стыда и горя. Она попыталась его утешить, пообещав навеки забыть о том, что услышала, не думать о нем дурно и по-прежнему видеть в нем лишь лучшего друга. Можно себе представить, как эти заверения утешили графа. Он в полной мере ощутил таившееся в словах принцессы презрение, а назавтра, увидев ее такой же приветливой, как обычно, понял, что его присутствие нисколько не смущает ее и не заставляет краснеть, и опечалился еще больше. Поведение принцессы в последующие дни нисколько его не ободрило. Она была к нему все так же добра и благосклонна. Однажды, когда возник повод, принцесса снова заговорила с ним о своих чувствах к герцогу де Гизу: уже пошла молва о высоких достоинствах герцога, и она призналась графу, что это ее радует и ей приятно убедиться, что он заслуживает той любви, которую она некогда к нему испытывала. Все эти знаки доверия, еще недавно столь графу дорогие, стали теперь невыносимы. Однако он не решался это показать, хотя и осмеливался изредка напомнить принцессе о том, что однажды имел дерзость ей открыть.

Наконец был заключен мир, и после двухлетнего отсутствия вернулся принц де Монпансье, покрыв себя славой во время осады Парижа и в битве при Сен-Дени. Он был поражен безупречной красотой принцессы, достигшей своего расцвета, и, движимый свойственной ему ревностью, слегка огорчился, предвидя, что не он один сочтет ее красавицей. Он был очень рад снова встретиться с графом де Шабаном, к которому питал все те же дружеские

чувства, и не преминул потихоньку расспросить его о характере и умонастроении жены, оставшейся для него почти незнакомкой, ибо они успели прожить вместе совсем недолго. Граф совершенно чистосердечно, как если бы и не был влюблен, описал все ее достоинства, способные вызвать любовь принца, а также объяснил госпоже де Монпансье, как ей надлежит себя вести, дабы окончательно завоевать сердце и уважение мужа. Любовь заставляла графа невольно заботиться лишь о счастье и доброй славе принцессы, он и не помышлял о том, сколь невыгоден для влюбленного чересчур счастливый брак его избранницы. Мир оказался призрачным. Война вскоре возобновилась из-за намерения короля арестовать укрывшихся в Нуайе принца де Конде и адмирала Шатильона. Когда об этом плане стало известно, опять начались приготовления к войне, и принц де Монпансье принужден был вновь покинуть жену и отправиться туда, куда призывал его долг. Граф де Шабан последовал за ним ко двору, полностью оправдавшись перед королевой-матерью, у которой больше не осталось никаких сомнений в его преданности. Ему было крайне тяжело расставаться с принцессой, ее же более всего тревожили опасности, подстерегавшие мужа на войне. Вожди гугенотов засели в Ла-Рошели, на их стороне были Пуату и Сентонж, война вспыхнула там с новой силой, и король стянул туда все свои войска. Его брат, герцог Анжуйский, будущий король Генрих III, прославился там множеством подвигов, особенно в битве при Жарнаке, где был убит принц де Конде. В этой войне герцог де Гиз выдвинулся на весьма высокие посты, и постепенно стало ясно, что он превзошел все надежды, дотоле на него возлагавшиеся. Принц де Монпансье, ненавидя его и как личного врага, и как врага своего рода, не мог без досады видеть славу Гиза и то дружеское расположение, которое проявлял к нему герцог Анжуйский. Когда обе армии истощили свои силы в бесконечных стычках, войска по обоюдному согласию были на время распущены, а герцог Анжуйский задержался в Лоше, чтобы сделать распоряжения во всех близлежащих пунктах, каким могло грозить нападение. Герцог де Гиз остался вместе с ним, а принц де Монпансье с графом де Шабаном отправились в замок Шампиньи, находившийся неподалеку. Герцог Анжуйский часто объезжал города, где по его приказу возводились оборонительные сооружения. Однажды, когда он со своей свитой возвращался в Лош по плохо известной ему местности, герцог де Гиз, похвалившись, будто знает дорогу, взялся вести отряд, но через некоторое время сбился с пути, и они очутились на берегу незнакомой реки. Все, разумеется, обрушились на Гиза, оказавшегося таким плохим проводником, но тут оба герцога, всегда готовые повеселиться, как все молодые принцы, заметили посреди реки небольшую лодку, и, поскольку речка была неширокой, они без труда разглядели в лодке трех или четырех женщин, одна из которых, великолепно одетая, предстала перед их взорами во всем блеске своей красоты: она внимательно смотрела, как двое мужчин подле нее ловят рыбу. Эта картина привела обоих герцогов и их свиту в игривое настроение. Все сошлись на том, что это настоящее приключение из романа. Одни говорили герцогу де Гизу, что он нарочно завел их сюда ради этой красотки, другие – что встреча с ней послана ему свыше и он теперь должен полюбить ее; герцог же Анжуйский утверждал, будто влюбиться суждено ему. Наконец, решив насладиться приключением сполна, герцоги велели своим всадникам войти как можно глубже в реку и крикнуть даме, что его высочество герцог Анжуйский желает переправиться на другой берег и просит перевезти его на лодке. Дама, которая была не кто иная, как госпожа де Монпансье, услышав имя герцога Анжуйского и поняв по обилию людей, столпившихся на берегу, что это и в самом деле он, велела направить лодку к нему. По облику она быстро отличила его от остальных, хотя прежде никогда не видела вблизи, но еще раньше заметила герцога де Гиза. При виде его она покраснела от волнения и предстала перед ними столь прекрасной, что красота ее показалась им почти неземной. Герцог де Гиз тоже узнал ее издали, несмотря на все перемены к лучшему, произошедшие в ней за те три года, что они не виделись. Он сообщил герцогу Анжуйскому, кто она, и тот поначалу смутился за свою вольность, но, увидев, как принцесса хороша собою, и упиваясь приключением все больше и больше, решил довести дело до конца. После тысячи

извинений и комплиментов он сказал, что непременно должен попасть на другой берег, и тут же получил от нее предложение воспользоваться лодкой. С собой он взял только герцога де Гиза, а остальным приказал перебраться через реку в другом месте и ждать их в Шампиньи, находившемся, как сказала принцесса, всего в двух лье от переправы.

Едва войдя в лодку, герцог Анжуйский спросил принцессу, чему они обязаны столь приятной встречей и что она делает на реке. Принцесса отвечала, что выехала вместе с мужем на охоту, но утомилась, вышла на берег отдохнуть и, увидев рыбаков, которым попался в сети лосось, попросила взять ее в лодку, чтобы посмотреть, как его будут вытаскивать. Герцог де Гиз не вмешивался в разговор; он стоял, охваченный вновь вспыхнувшими чувствами к принцессе, и думал, что и сам может оказаться в ее сетях, словно лосось в неводе рыбаков. Вскоре они добрались до берега, где их ждали лошади и стремянные госпожи де Монпансье. Герцог Анжуйский помог ей сесть в седло, где она держалась с восхитительной грацией, и, взяв запасных лошадей, которых подвели пажи принцессы, герцоги поскакали вслед за ней в Шампиньи. Не меньше, чем красота, поразила их тонкость ее ума, и они не могли удержаться, чтобы не высказать ей свое восхищение. На похвалы она отвечала со всей мыслимой скромностью, но герцогу де Гизу чуть холоднее, чем герцогу Анжуйскому, желая сохранить неприступность, дабы он не связывал ни малейших надежд с ее былой слабостью к нему. Подъехав к первому двору Шампиньи, они обнаружили там принца де Монпансье, только что вернувшегося с охоты. При виде своей супруги в окружении двух мужчин он был весьма удивлен, но удивление его возросло до крайности, когда, подойдя ближе, он узнал герцога Анжуйского и герцога де Гиза. Будучи ревнив от природы и издавна питая ненависть к Гизу, он не смог скрыть досады при виде герцогов, неизвестно как и зачем оказавшихся у него в замке. Он объяснил свое огорчение тем, что не может принять их так, как ему хотелось бы и как того заслуживает высокое положение герцога Анжуйского. Граф де Шабан был опечален еще больше, чем принц, увидев Гиза рядом с принцессой. В их случайной встрече он усмотрел дурное предзнаменование, понимая, что столь романтическое начало вряд ли останется без продолжения. Принцесса де Монпансье оказала герцогам радушный прием, исполняя роль хозяйки дома так же изящно, как и все, что она делала. В конце концов она окончательно пленила своих гостей. Герцог Анжуйский, красавец и большой любитель женщин, не мог не загореться, встретив столь достойный объект для ухаживания. Его сразил тот же недуг, что и герцога де Гиза, и под предлогом важных дел он прожил в Шампиньи два дня, хотя не имел никаких причин там задерживаться, кроме чар госпожи де Монпансье, притом что принц вовсе не настаивал на том, чтобы он погостил подольше. Прощаясь, герцог де Гиз не преминул дать понять принцессе, что его чувства к ней остались прежними: поскольку о его любви к ней не знал ни один человек, он несколько раз сказал ей при всех, не опасаясь быть понятым другими, что в душе его ничто не изменилось, и отбыл вместе с герцогом Анжуйским. Они покинули Шампиньи с большим сожалением и по дороге долго молчали. Наконец герцог Анжуйский, заподозрив, что у Гиза могла быть та же причина для задумчивости, вдруг спросил его напрямик, уж не грезит ли он о красоте госпожи де Монпансье. Гиз уже успел заметить увлечение герцога Анжуйского и, услышав его неожиданный вопрос, подумал, что они неминуемо станут соперниками и ему необходимо утаить свою любовь. Желая развеять подозрения своего спутника, он со смехом отвечал, что, если кто и размечтался о принцессе, так это, несомненно, сам герцог Анжуйский, а он лишь счел неуместным отвлекать его от столь приятных грез; что же до красоты принцессы де Монпансье, то она ему не в новинку, он привык стойко выдерживать ее блеск еще в те времена, когда мадемуазель де Мезьер считалась невестой его брата, но теперь замечает, что далеко не всем это удается так же успешно, как ему. Герцог Анжуйский признался, что никогда прежде не встречал женщины, которую можно хоть отдаленно сравнить с принцессой де Монпансье, и, по всему судя, ему опасно было бы часто ее видеть. Он попытался заставить

герцога де Гиза признать, что и тот чувствует то же самое, но Гиз, уже проникшийся серьезным отношением к своей любви, упорно отрицал это.

Герцоги вернулись в Лош и часто с удовольствием вспоминали о лесном приключении и о встрече с принцессой де Монпансье. В Шампиньи же все обстояло иначе. Принц де Монпансье был недоволен, хотя и не мог объяснить почему. Ему не нравилось, что принцесса оказалась в этой лодке. Ему казалось, что она чересчур любезно принимала гостей, но особенно раздражало его то, что герцог де Гиз, как он заметил, не сводил с нее глаз. В нем вспыхнула жгучая ревность, сразу вспомнилось, как бушевал герцог по поводу их женитьбы, и он заподозрил, что Гиз еще тогда был влюблен в его жену. Горечь, вызванная в его душе этими подозрениями, доставила принцессе немало неприятных минут. Граф де Шабан по своему обыкновению постарался не допустить ссоры между супругами, желая тем самым показать принцессе, сколь искренне и бескорыстно он ее любит. Однако он не смог удержаться, чтобы не спросить, какое впечатление произвела на нее встреча с герцогом де Гизом. Она сказала, что испытывала неловкость при мысли о чувствах, которые некогда проявляла к нему. Он стал, по ее мнению, намного красивее, чем был когда-то, и ей показалось, что он хотел убедить ее в неизменности своей любви, однако, заверила она графа, ничто не может поколебать ее решимости никогда не продолжать этих отношений. Граф был очень рад это слышать, хотя его несколько беспокоили намерения самого Гиза. Он не скрыл от принцессы, что опасается, как бы прежние чувства в один прекрасный день не возродились, и дал понять, что, если это произойдет, он будет безмерно страдать и как ее друг, и как влюбленный. Принцесса по обыкновению почти не отвечала, делая вид, будто не слышит, когда он говорил о своей любви, и обращалась с ним как с лучшим другом, не снисходя до того, чтобы воспринимать его как поклонника.

Войска снова были приведены в боевую готовность, всем принцам и герцогам надлежало вернуться на свои посты, и принц де Монпансье счел за лучшее отправить жену в Париж, дабы не оставлять ее вблизи театра военных действий. Гугеноты осадили Пуатье. Герцог де Гиз устремился на защиту города и совершил там столько подвигов, что любому другому их хватило бы сполна, чтобы прославиться на всю жизнь. Затем последовала битва при Монконтуре. Герцог Анжуйский, взяв Сен-Жан-д'Анжели, внезапно занемог и покинул передовые позиции – то ли из-за болезни, то ли из желания насладиться покоем и радостями Парижа, куда не в последнюю очередь влекло его присутствие принцессы де Монпансье. Командование перешло к принцу де Монпансье, но вскоре был заключен мир и весь двор снова оказался в Париже. Принцесса де Монпансье затмила всех записных красавиц. Не было человека, который не восхищался бы ее умом и красотой. Чувства герцога Анжуйского, вспыхнувшие в Шампиньи, не угасли, и он не упускал случая их продемонстрировать, всячески ухаживая за принцессой и оказывая ей знаки внимания, но стараясь, однако, не переусердствовать, дабы не вызвать ревности принца. Герцог де Гиз влюбился окончательно и, желая по многим причинам сохранить свою страсть в тайне от окружающих, решил открыться сразу самой принцессе, дабы избежать первых ухаживаний, обычно порождающих сплетни и огласку. Однажды, находясь в покоях королевы-матери в час, когда там было мало народу, а сама королева беседовала у себя в кабинете с кардиналом, Гиз увидел, что приехала принцесса. Он воспользовался удобным случаем и подошел к ней.

– Возможно, я неприятно удивлю вас, сударыня, – сказал он, – но не хочу таить от вас, что моя былая любовь, о которой вам и раньше было известно, не угасла во мне за все эти годы, и, когда я увидел вас вновь, она так разгорелась, что ни ваша суровость, ни ненависть господина де Монпансье, ни соперничество первого принца королевства не в силах унять ее. Разумеется, любовь более пристало выказывать в поступках, нежели в словах, но поступки сделали бы ее явной для всех, а я не хочу, чтобы кто-то, кроме вас одной, узнал, что я имею дерзость вас обожать.

В первый момент принцесса была так ошеломлена и взволнована, что ей и в голову не пришло остановить герцога, а когда через несколько минут она пришла в себя и собиралась ответить, вошел принц де Монпансье. Смущение и замешательство отразились на лице принцессы. При виде мужа она совсем растерялась, и это открыло ему больше, нежели все, что она в действительности услышала от Гиза. Королева вышла из кабинета, и герцог уехал, чтобы не распалять ревность принца. Вечером, как и ожидала принцесса, муж был в бешенстве. Он устроил ей бурную сцену и запретил вообще когда-либо разговаривать с герцогом де Гизом. Она удалилась с тяжелым сердцем в свои апартаменты, поглощенная мыслями о случившемся. Назавтра она снова встретила Гиза у королевы: он не заговорил с ней, но уехал сразу же вслед за ней, желая показать, что без нее ему там нечего делать. С тех пор не проходило дня, чтобы она не получала от него тысячу лишь ей одной понятных знаков любви и он не делал бы попыток заговорить с ней, когда их никто не мог видеть. Несмотря на все благие решения, принятые в Шампиньи, принцесса постепенно поверила в его любовь, и в глубине ее сердца вновь шевельнулись старые чувства.

Между тем герцог Анжуйский не давал ей покоя выражениями преданности; он неотступно следовал за ней повсюду – и к королеве-матери, и к ее высочеству сестре короля, но встречал со стороны принцессы необычайную холодность, способную излечить от страсти кого угодно, но только не его. В ту пору стало известно, что ее высочество, будущая королева Наварры, неравнодушна к герцогу де Гизу, о чем свидетельствовало и то, что герцог Анжуйский начал выказывать свое нерасположение к нему. Когда принцесса де Монпансье узнала эту далеко не безразличную ей новость, она осознала, что герцог де Гиз значит для нее куда больше, чем казалось. Как раз в это время ее свекор, господин де Монпансье, женился на мадемуазель де Гиз, сестре герцога, и им приходилось часто видеться на всех устраиваемых по этому поводу приемах и торжествах. Принцесса де Монпансье не могла стерпеть, чтобы человек, которого вся Франция считала влюбленным в ее высочество, осмеливался и дальше делать ей признания. Глубоко задетая в своей гордости, она страдала оттого, что так обманулась, и вот однажды, когда герцог де Гиз, увидев ее стоящей чуть в стороне от остальных гостей в доме своей сестры, попытался снова заговорить с ней о любви, она резко оборвала его и гневно сказала:

– Не понимаю, как вы смеете, используя детское увлечение, позволительное в тринадцать лет, разыгрывать из себя поклонника женщины моего положения, да еще при том, что вы любите другую и об этом знает весь двор.

Герцогу де Гизу, человеку в высшей степени умному и пылко влюбленному, не нужно было растолковывать, что означают слова принцессы.

– Вы правы, сударыня, – почтительно отвечал он. – Лучше было бы мне пренебречь честью стать зятем короля, нежели хоть на миг заронить в вашу душу подозрение, будто я могу добиваться иного сердца, кроме вашего. Но если вы позволите мне объясниться, то, уверен, я сумею оправдаться перед вами.

Принцесса не ответила, но и не отошла, и Гиз, видя, что она соглашается его выслушать, рассказал, что, хотя он и не думал домогаться милости ее высочества, она одарила его своей благосклонностью, сам же он, не питая к ней никаких чувств, весьма холодно принимал эту честь, пока она не подала ему надежду на свою руку. Понимая, на какую высоту может вознести его этот брак, он заставил себя оказывать ей больше внимания, что и дало пищу для подозрений королю и герцогу Анжуйскому. Их неудовольствие, сказал он, не могло заставить его отступить от своего намерения, но если ей, госпоже де Монпансье, это неприятно, то он тотчас же покинет ее высочество и никогда в жизни больше не вспомнит о ней. Мысль о жертве, которую герцог готов принести ради нее, заставила принцессу забыть всю свою суровость, и владевший ею в начале разговора гнев мгновенно угас. Она пустилась в рассуждения о слабости, каковую позволила себе сестра короля, полюбив его первой, и обо всех преимуществах, связанных для

него с этим браком. Она не подала герцогу никаких надежд, но он вдруг вновь узнал в ней множество очаровательных черт, некогда милых ему в мадемуазель де Мезьер. И хотя они очень давно не вели между собой никаких бесед, оказалось, что они по-прежнему легко понимают друг друга, и сердца их вступили на уже проторенный путь. Наконец они закончили разговор, наполнивший душу герцога большой радостью. Не меньшую радость испытала и принцесса, убедившись, что он любит ее по-настоящему. Но когда она осталась одна в своем кабинете, какими только упреками не осыпала она себя за то, что так постыдно легко сдалась перед извинениями герцога! Она мысленно рисовала себе все опасности, ожидающие ее, если она проявит слабость, которую некогда с ужасом осуждала, и все неисчислимые беды, коими грозит ей ревность мужа. Это заставило ее вновь принять твердые решения, развеявшиеся, однако, на следующий же день при встрече с герцогом. Он не преминул дать ей полный отчет о том, что происходит между ним и ее высочеством. Новый союз, недавно заключенный между их семьями, предоставлял им немало возможностей для бесед, но ему трудно было победить в принцессе ревность, вызываемую красотой соперницы: перед этой ревностью любые клятвы были бессильны, и она заставляла принцессу еще упорнее сопротивляться настойчивости герцога, уже покорившего ее сердце более чем наполовину.

Женитьба короля на дочери императора Максимилиана наполнила жизнь двора празднествами и увеселениями. По желанию короля был поставлен балет, где танцевали принцессы, в том числе и ее высочество. Только принцесса де Монпансье могла соперничать с ней в красоте. Герцог Анжуйский, герцог де Гиз и еще четверо мужчин танцевали мавританский танец. Все они были, как и положено, одеты в одинаковые костюмы. Во время премьеры герцог де Гиз перед своим выходом, будучи еще без маски, сказал мимоходом несколько слов принцессе де Монпансье. Она заметила, что муж обратил на это внимание, и встревожилась. Увидев через некоторое время герцога Анжуйского в маске и в мавританском костюме, она приняла его за герцога де Гиза и, подойдя к нему, сказала:

– Сегодня вечером смотрите только на ее высочество, прошу вас, это мой приказ. Я не стану ревновать. Не подходите ко мне больше, за мной следят.

Едва сказав это, она сразу же отошла, а герцог Анжуйский застыл словно громом пораженный. Он понял, что у него есть счастливый соперник. Поскольку речь шла о ее высочестве, он догадался, что это герцог де Гиз и что его сестра оказалась той самой жертвой, которую Гиз принес ради расположения принцессы де Монпансье. Досада, ревность и ярость неистово бушевали в его душе, где уже и без того гнездилась ненависть к Гизу, и отчаяние его незамедлительно привело бы к какой-нибудь кровавой выходке, если бы прирожденная скрытность не помогла ему совладать с собою и, учитывая обстоятельства, отложить свою месть. Однако он не мог отказать себе в удовольствии сообщить Гизу, что знает тайну его любви, и, выходя из зала, где они танцевали, сказал:

– Вы чересчур самонадеянны, герцог, если осмеливаетесь посягать на мою сестру, одновременно отнимая у меня возлюбленную. Только почтение к королю не позволяет мне дать волю гневу. Но запомните: смерть будет, возможно, наименьшей ценой, какой вы заплатите мне однажды за свою дерзость.

Гордый Гиз не привык сносить подобные угрозы. Ответить он не успел, ибо в этот момент король подозвал их обоих к себе, но слова герцога Анжуйского заронили в его душу жажду мести, не угасавшую в нем на протяжении всей жизни. В тот же вечер герцог Анжуйский начал настраивать против него короля. Он сумел убедить его в том, что их сестра никогда не согласится на предлагаемый ей брак с королем Наварры, пока вокруг нее будет вертеться Гиз, и что это позор – позволять ему ради собственного тщеславия препятствовать браку, который должен принести Франции мир. Король и без того уже был раздражен против Гиза, слова брата подлили масла в огонь, и назавтра, когда герцог явился на бал к королеве, блистая одеянием, расшитым драгоценными каменьями, но еще более своей красотой, король встал у дверей и

резко спросил, куда это он направляется. Герцог, не смутившись, сказал, что пришел оказать его величеству посильные услуги. Король объявил в ответ, что в его услугах более не нуждается, и повернулся к нему спиной. Взбешенный герцог вошел, однако, в зал, затаив в сердце гнев и против короля, и против герцога Анжуйского. Оскорбление разожгло его природную гордыню, и он, словно бросая обидчикам вызов, вопреки обыкновению буквально не отходил от ее высочества, тем более что намек герцога Анжуйского на его отношения с принцессой де Монпансье не позволял ему теперь даже взглянуть в ее сторону. Герцог Анжуйский внимательно наблюдал за ними: глаза принцессы, против ее воли, выдавали досаду, когда Гиз говорил с ее высочеством, и герцог Анжуйский, уже зная из ее слов, сказанных ему по ошибке, что она ревнует, подошел к ней с намерением их поссорить.

– Сударыня, – сказал он, – должен сообщить вам, заботясь не столько о себе, сколько о вас, что герцог де Гиз вовсе не заслуживает того предпочтения, которое вы оказываете ему передо мной. Прошу вас, не перебивайте меня и не пытайтесь отрицать правду, которая, увы, мне слишком хорошо известна. Он обманывает вас, жертвуя вами ради моей сестры, точно так же, как ею ради вас. В этом человеке нет ничего, кроме честолюбия. Но коль скоро вы одарили его своей благосклонностью, то не стану более соперничать с ним. Я не намерен препятствовать счастью, которого он заслуживает, несомненно, меньше, чем я, и я был бы недостоин вас, если бы продолжал упорствовать, стараясь завоевать сердце, уже отданное другому. Я встретил в вас одно лишь равнодушие, с меня довольно. Не хочу, чтобы оно сменилось ненавистью, если я стану и дальше докучать вам своей любовью, самой верной и преданной, какой когда-либо была любима женщина.

Герцог Анжуйский с трудом договорил последние слова – его любовь и обида были неподдельными, и хотя он начинал говорить побуждаемый главным образом досадой и жаждой мести, но постепенно смягчился, глядя на красоту принцессы и понимая, как много теряет, лишаясь надежды на ее любовь. Не ожидая ответа, он покинул бал, сделав вид, будто почувствовал себя дурно, и отправился к себе упиваться в одиночестве своим страданием. Легко вообразить, в каком смятении и отчаянии оставил он принцессу. Знать, что ее доброе имя и сокровеннейшая тайна всей ее жизни находятся в руках человека, которого она отвергла, и услышать от него, не имея возможности усомниться в его словах, что она обманута своим возлюбленным, – все это отнюдь не способствовало веселому настроению, которое надлежало изображать на празднестве. Однако покинуть бал она не могла; к тому же ей пришлось отправиться ужинать к своей свекрови, герцогине де Монпансье, желавшей непременно увезти ее с собой. Герцог де Гиз, одержимый нетерпением поделиться с госпожой де Монпансье тем, что услышал накануне от герцога Анжуйского, последовал за ней к сестре. Но каково же было его удивление, когда, попытавшись заговорить с прекрасной принцессой, он услышал от нее лишь ужаснейшие упреки, причем столь запальчивые и невразумительные, что он ничего не мог понять, за исключением того, что она обвиняет его в неверности и предательстве. Герцог был потрясен обрушившимся на него новым несчастьем: он ждал от принцессы утешения, а не отповеди. Но он любил ее со всей страстью и не мог прожить ни минуты, не будучи уверенным во взаимности. Он принял отчаянное решение.

– Вы будете довольны, сударыня, – сказал он. – Я сделаю ради вас то, чего не мог добиться от меня сам король при всем своем могуществе. И пусть на карту будет поставлено мое будущее, но это ничто для меня в сравнении с вашим спокойствием.

Не задерживаясь более в доме сестры, он тотчас отправился к своим родственникам кардиналам и, сославшись на оскорбительное поведение короля, убедил их отбросить мысль о его возможной женитьбе на ее высочестве и устроить его брак с принцессой Порсьенской, о котором уже шла речь прежде. Это было немедленно сделано и оглашено назавтра. Все изумились, а принцесса де Монпансье и обрадовалась, и опечалилась одновременно. Ей приятно было сознавать свою власть над Гизом, но досадно, что он отказался от такой блестящей женитьбы.

Проиграв в положении, герцог рассчитывал, по крайней мере, вознаградить себя выигрышем в любви: он настоял на том, чтобы принцесса встретилась с ним наедине и объяснилась по поводу несправедливых упреков, которые обрушила на него после бала. Она согласилась приехать к его сестре, герцогине де Монпансье, в такое время, когда ее не будет дома, с тем чтобы и он приехал туда же. Как и было решено, герцог де Гиз получил наконец счастливую возможность броситься к ее ногам и без свидетелей поведать о своей любви и о страданиях, виной которым была ее подозрительность. Принцесса, однако, не могла забыть все, что наговорил ей герцог Анжуйский, хотя поступок герцога де Гиза так наглядно это опроверг. Она объяснила ему, почему сочла его предателем – ведь, по ее убеждению, герцог Анжуйский мог говорить только с его собственных слов. Герцог де Гиз не знал, как оправдаться, и недоумевал не меньше, чем сама принцесса, каким образом могла открыться их связь. Разговор продолжался, и принцесса сказала, что он напрасно так поторопился с женитьбой на принцессе Порсьенской и отказался от столь выгодного брака с сестрой короля, тем более что она нисколько не ревновала к ней и сама просила его в тот день, когда был балет, чтобы он смотрел только на ее высочество. Герцог ответил, что, видимо, таково было ее намерение, но уста ее этого не произнесли. Принцесса стояла на своем. После долгих споров и разбирательств, они поняли, что она, видимо, спутала его с герцогом Анжуйским из-за сходства костюмов и сама невольно выдала их тайну. Герцог де Гиз, который и без того уже почти оправдался перед принцессой своей женитьбой, теперь был совершенно чист в ее глазах. Она не могла не отдать свое сердце человеку, который уже владел им некогда и который всем пожертвовал ради нее. Она благосклонно выслушала клятвы и позволила ему думать, что не совсем равнодушна к его страсти. Возвращение герцогини де Монпансье прервало их беседу и помешало герцогу де Гизу излить свой восторг.

Вскоре после этого двор переехал в Блуа, куда отправилась и принцесса де Монпансье; там был заключен брак между ее высочеством и королем Наварры, и герцог де Гиз, не желавший иного величия и успеха, кроме счастья быть любимым принцессой де Монпансье, встретил это событие с радостью, хотя прежде оно повергло бы его в отчаяние. Он не настолько хорошо скрывал свою любовь, чтобы не дать повода для беспокойства ревнивому принцу де Монпансье, и тот, желая избавиться от терзавших его подозрений, приказал жене ехать в Шампиньи. Для принцессы это был страшный удар, однако ей пришлось повиноваться. Она изыскала возможность проститься наедине с герцогом де Гизом, но не могла придумать надежный способ для переписки. Наконец, после долгих размышлений, она решила прибегнуть к помощи графа де Шабана, в котором по-прежнему видела друга, не желая считаться с тем, что он еще и влюблен. Герцог де Гиз, зная, как предан граф принцу, пришел в ужас от ее выбора, но она успокоила его, уверив, что ручается за надежность графа; герцог простился с ней, испытывая всю горечь, какую только может причинить разлука со страстно любимой женщиной.

Все время, пока принцесса оставалась при дворе, граф де Шабан лежал больной у себя дома, но, узнав, что она едет в Шампиньи, догнал ее по дороге, чтобы ехать вместе. Он был счастлив, увидев, как рада принцесса встрече с ним и как ей не терпится с ним поговорить. Но каково же было его разочарование, когда он понял, что нетерпение это вызвано единственным желанием поскорее сообщить ему, как горячо любит ее герцог де Гиз и как любит его она сама. От горя он не мог отвечать. Но принцесса испытывала столь сильную потребность говорить о своей любви, что не замечала его молчания, она принялась рассказывать в мельчайших подробностях историю своих отношений с герцогом и сказала, что они условились вести переписку через него. Для графа это было последним ударом: его потрясло, что любимая женщина предлагает ему оказывать услуги сопернику и говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся, ни на миг не задумываясь о том, какой пытке она его подвергает. Однако он безукоризненно владел собой и сумел скрыть свое состояние, выразив лишь удивление произошедшей в ней переменой. В первый момент он подумал, что эта перемена, убив в нем надежду, неминуемо убьет и страсть, но, любуясь против воли красотой принцессы и появившейся в ней новой

утонченностью, приобретенной при дворе, понял, что любит ее еще сильнее, чем раньше. Слушая ее, он оценил всю чистоту и изысканность ее чувств к герцогу де Гизу, все благородство ее сердца, и его охватило безумное желание это сердце завоевать. Поскольку любовь графа была поистине необыкновенной, то и действие она произвела необыкновенное: он согласился передавать своей возлюбленной письма соперника. Разлука с герцогом повергла принцессу в смертельную тоску, и, не ожидая облегчения ни от чего, кроме писем, она беспрестанно изводила графа, спрашивая, нет ли для нее письма, и чуть ли не винила его в том, что оно запаздывает. Наконец он получил для нее письмо с нарочным и немедля отнес ей, чтобы ни на миг не отдалять ее счастья. Принцесса была счастлива безмерно. Она даже не пыталась скрыть свою радость от графа и заставила его до дна испить горчайший яд, читая ему вслух это письмо и свой любезный, нежный ответ. Он отнес ответ посланцу герцога, исполненный все той же преданности и еще большей печали. Его немного утешала надежда, что принцесса все же поймет, чего стоит ему роль посредника, и выкажет ему признательность, но она становилась день ото дня все суровее по отношению к нему, измученная страданием, которое причинял ей другой. В конце концов он не выдержал и взмолился, прося ее хоть на миг задуматься о том, как она терзает его. Но все помыслы принцессы были заняты только герцогом, которого она считала единственным человеком, достойным поклоняться ей. Обожание другого показалось ей столь оскорбительным, что она дала графу еще более резкую отповедь, чем когда он в первый раз признался ей в любви. Граф, потеряв самообладание, вышел от нее, покинул Шампиньи и отправился к одному из своих друзей, жившему неподалеку. Оттуда он написал принцессе гневное, но почтительное письмо, в котором прощался с ней навсегда. Принцесса пожалела, что так жестоко обошлась с человеком, над которым имела безграничную власть, и, не желая потерять его окончательно – ибо ценила его как друга и не могла обойтись без него в своих отношениях с герцогом де Гизом, – написала ему, что непременно хочет поговорить с ним в последний раз, а потом он волен поступать как ему будет угодно. Человек слаб, когда он влюблен. Граф вернулся, и не прошло и часа, как красота принцессы, очарование ее ума и несколько приветливых слов сделали его еще более покорным, чем прежде, – он даже вручил ей письма от герцога, которые только что получил.

В это время при дворе было решено вызвать в Париж всех вождей гугенотов с тем чудовищным умыслом, который осуществился в день святого Варфоломея, и король, дабы ввести их в заблуждение, удалил от себя всех принцев дома Бурбонов и дома Гизов. Принц де Монпансье вернулся в Шампиньи, усугубив своим приездом муки принцессы, а все Гизы отправились к своему дяде, кардиналу Лотарингскому. Любовь и вынужденная праздность вызвали у герцога де Гиза столь безудержное желание увидеться с принцессой де Монпансье, что, не думая о том, чем это может обернуться и для нее, и для него, он под предлогом путешествия оставил всю свою свиту в небольшом городке и, взяв с собой лишь одного дворянина, того, который уже не раз ездил в Шампиньи, отправился туда на почтовых лошадях. Поскольку с принцессой можно было связаться только через графа де Шабана, он велел своему провожатому написать графу записку с просьбой прибыть в условленное место. Граф отправился на встречу, считая, что речь идет просто о получении писем для принцессы, но каковы же были его удивление и горе, когда он увидел там самого герцога де Гиза. Герцог, всецело поглощенный желанием увидеть принцессу, обратил на замешательство графа не больше внимания, чем принцесса на его молчание, когда рассказывала ему о своей любви. Герцог принялся расписывать ему во всех красках свою страсть и объяснять, что непременно умрет, если граф не добьется от принцессы разрешения увидеть ее. Граф де Шабан сказал лишь, что передаст принцессе его просьбу и вернется с ответом. Он пустился в обратный путь, страдая так, что временами почти терял рассудок. Несколько раз он склонялся к тому, чтобы отослать герцога назад, ничего не говоря принцессе, но потом вспоминал об обещанной ей верности и отбрасывал это решение.

Так он добрался до Шампиньи, все еще не зная, как ему поступить, но, услышав, что принц де Монпансье на охоте, направился прямо в покои принцессы; та, увидев, как сильно он взволнован, немедленно отослала прочь дам своего окружения, желая поскорее узнать, что случилось. Стараясь сохранять хладнокровие, граф сообщил, что герцог де Гиз находится поблизости от Шампиньи и просит позволения увидеться с ней. Принцесса громко вскрикнула при этом известии, и ею овладело смятение, сравнимое лишь со смятением графа. В первый момент она думала лишь о счастье, которое сулила ей встреча с любимым. Но потом, когда она поняла, что эта встреча идет вразрез с ее долгом, что увидеться с герцогом она сможет, лишь впустив его ночью к себе в комнату потихоньку от мужа, она пришла в полное отчаяние. Граф ждал ее ответа, как если бы для него это был вопрос жизни и смерти, но, догадавшись по ее молчанию, что она колеблется, он решился заговорить и принялся объяснять ей, каким опасностям она подвергнет себя, если согласится на это свидание. Желая доказать, что его слова продиктованы лишь заботой о ней, он добавил:

– Если после всего, что я сказал вам, сударыня, страсть возобладает над разумом и вы все-таки решитесь встретиться с герцогом, то пусть мое мнение вас не останавливает, раз вас не останавливает забота о собственном благополучии. Я не хочу лишать радости женщину, которую боготворю, и не хочу вынуждать вас искать людей менее надежных и преданных, чем я, чтобы исполнить свое желание. Если вам будет угодно, я отправлюсь за герцогом сегодня же вечером, ибо слишком опасно надолго оставлять его там, где он находится, и приведу его к вам.

– Но как вы проведете его? – перебила принцесса.

– Ах, сударыня, – воскликнул граф, – значит, все уже решено, раз вы обсуждаете только, как это сделать! Не беспокойтесь, он придет к вам, счастливец! Я проведу его через парк, вы лишь прикажите самой преданной из ваших камеристок, чтобы она ровно в полночь опустила маленький подъемный мост, который ведет из ваших покоев в партер перед замком, и больше ни о чем не тревожьтесь.

Не дожидаясь ответа, граф вышел, вскочил на лошадь и отправился за Гизом, который ждал его, сгорая от нетерпения. Принцесса была так взволнована, что не сразу пришла в себя. Первым ее порывом было вернуть графа и запретить ему ехать за герцогом, но у нее не хватило сил, и она решила, что если он и поедет, то она может просто не опускать мост. Остановившись на этом решении, она считала его непоколебимым, но, когда время подошло к одиннадцати, поняла, что не может более противиться желанию увидеть герцога, которого полагала столь достойным любви, и научила камеристку, как опустить подъемный мостик.

Тем временем герцог и граф де Шабан подъезжали к Шампиньи, испытывая прямо противоположные чувства. Герцог упивался предвкушением встречи и сладостью надежд, граф же был охвачен бешенством и отчаянием и тысячу раз готов был проткнуть соперника шпагой. Наконец они доехали до парка, оставили лошадей стремянному герцога, пробрались через пролом в стене и направились к замку. Граф де Шабан при всем своем отчаянии еще хранил крохотную надежду, что рассудок вернется к принцессе и она откажется от встречи с герцогом. Только увидев опущенный мостик, он понял, что надеяться больше не на что, и в этот миг он был способен на все. Однако стоило ему подумать о том, что если он устроит шум, то его наверняка услышит принц де Монпансье, чьи покои выходили в тот же партер перед замком, и гнев его обрушится на принцессу, ярость его мгновенно остыла, и он благополучно доставил герцога к ногам госпожи де Монпансье. Он не решился присутствовать при их свидании, хотя принцесса просила его и сам он втайне желал этого. Он удалился в небольшой коридор, ведущий на половину принца, и стоял там во власти самых горьких мыслей, когда-либо посещавших влюбленного. Между тем, хотя они почти не шумели, принц де Монпансье, который, на беду, не спал в этот час, услышал в парке шорох и, разбудив лакея, велел ему посмотреть, что происходит. Лакей выглянул в окно и увидел сквозь тьму, что мостик опущен. Он доложил об этом своему господину, и тот приказал ему тотчас же спуститься в парк и узнать, в чем дело.

Через минуту принцу послышались шаги, он встал и направился прямо на половину жены, ибо именно туда и вел подъемный мост. В это время принцесса де Монпансье, смущенная тем, что осталась с герцогом наедине, несколько раз просила графа войти в комнату. Он, извиняясь, отказывался, но она продолжала настаивать, и он, от гнева потеряв осторожность, ответил ей так громко, что это услышал принц, как раз подходивший к коридору, где находился граф. Принц не разобрал слов, но до него явственно донесся мужской голос, в котором он не узнал голоса графа. Подобная неожиданность могла бы взбесить и человека не столь ревнивого и вспыльчивого. Принц пришел в ярость, он неистово застучал в дверь и потребовал, чтобы ему отворили, жесточайшим образом поразив принцессу, герцога де Гиза и графа де Шабана. Услышав крики принца, граф сразу понял: утаить, что в комнате принцессы кто-то есть, уже невозможно, но если принц застанет там Гиза, он убьет его на глазах у принцессы, и еще неизвестно, оставит ли в живых ее самое, поэтому он решил, движимый беспримерным благородством, принять гнев принца на себя и этим спасти свою неблагодарную возлюбленную и счастливого соперника. Пока принц колотил в дверь, он бросился к герцогу, не знавшему, что предпринять, и передал его камеристке, чтобы та вывела его из замка, а сам приготовился встретить принца. Едва герцог вышел, как принц, выломав дверь, ворвался в покои жены, ища, на кого обрушить свое негодование. Но, увидев там лишь графа де Шабана, который стоял, опершись на стол и словно окаменев от горя, он и сам застыл, потеряв от удивления дар речи, ибо меньше всего ожидал застать здесь одного, ночью, этого человека, столь для него дорогого. Принцесса лежала на полу в полуобмороке. Наверно, никогда еще судьба не сталкивала между собой трех человек в таком ужасающем состоянии. Не веря своим глазам и желая выяснить, что значит весь этот хаос, принц обратился к графу, причем, судя по его тону, дружеские чувства еще боролись в нем с подозрениями.

– Что я вижу? – воскликнул он. – Уж не мерещится ли мне? Возможно ли, чтобы человек, которого я так люблю, пытался соблазнить мою жену, не найдя для этого другой женщины среди всех, какие есть в мире? А вам, сударыня, – продолжал он, повернувшись к принцессе, – разве не довольно было лишить меня чести и своей любви? Зачем вы отняли у меня вдобавок единственного друга, который мог бы утешить меня в горе? Пусть же кто-нибудь из вас двоих объяснит мне, что здесь происходит, ибо я не могу поверить, что все это правда.

Принцесса не в силах была отвечать, а граф де Шабан лишь беззвучно открывал рот, голос не повиновался ему.

– Я виновен перед вами, – вымолвил он наконец, – и недостоин той дружбы, которой вы одарили меня, но вина моя не в том, в чем вы можете меня заподозрить. Я более несчастен, чем вы, если такое возможно, и отчаянию моему нет предела. Я не вправе сказать вам больше. Смерть искупит мое преступление, и, если вам угодно убить меня прямо сейчас, вы исполните тем самым единственное мое желание.

Эти слова, произнесенные со смертельным страданием во взгляде, ясно говорившем о полной невиновности графа, ничего не объяснили принцу и только еще крепче убедили его в том, что в этой истории есть некая тайна, разгадать которую он не в силах. Неопределенность сокрушила его окончательно.

– Лучше уж вы убейте меня, – сказал он графу, – или прекратите эту пытку. Это самое малое, к чему обязывают вас моя былая дружба и моя сдержанность, ибо только благодаря им вы еще живы, любой другой на моем месте уже отомстил бы вам за оскорбление, в котором я почти не сомневаюсь.

– Видимость глубоко обманчива, – вставил граф.

– Это чересчур! – вскричал принц. – Сначала я отомщу вам, а потом уж буду заниматься выяснениями.

С этими словами он в бешенстве шагнул к графу, но принцесса, испугавшись беды, которая, впрочем, не могла произойти, ибо у принца не было при себе шпаги, поднялась, чтобы

встать между ними. Она так обессилела, что ноги не держали ее, и, едва приблизившись к мужу, она упала без чувств. Сердце принца дрогнуло при виде ее слабости и того спокойствия, с которым граф ждал его приближения. Не имея более сил смотреть на этих двух человек, причинивших ему такую боль, он отвернулся и опустился на кровать принцессы, сраженный невыразимым горем. Граф де Шабан, полный раскаяния, оттого что злоупотребил дружбой, которую принц не раз имел случай ему доказать, и уверенный, что загладить вину ему не удастся вовеки, стремительно вышел во двор, приказал подать лошадей и ускакал куда глаза глядят, гонимый отчаянием. Тем временем принц де Монпансье, видя, что принцесса никак не приходит в себя, поручил ее заботам женщин и удалился в свою опочивальню, безмерно страдая.

Герцог де Гиз благополучно выбрался из парка, едва сознавая от волнения, что с ним происходит, и отъехал от Шампиньи на несколько лье, однако он не мог двигаться дальше, не узнав, что сталось с принцессой. Он остановился в лесу и послал стремянного спросить у графа де Шабана, чем закончилась эта ужасная сцена. Стремянный графа не нашел и узнал только, что, по слухам, принцесса опасно заболела. Услышав это, герцог встревожился еще больше, но, не имея возможности что-либо предпринять, вынужден был отправиться восвояси, дабы не вызвать подозрений слишком долгим отсутствием. Принесенное стремянным известие о болезни принцессы де Монпансье оказалось верным: когда ее уложили в постель, у нее поднялся сильный жар, всю ночь она металась в тяжелом бреду, и уже наутро возникли опасения за ее жизнь. Принц тоже сказался больным, чтобы никто не удивлялся, отчего он не приходит ее проведать. Приказ явиться ко двору, разосланный всем принцам-католикам, которых вызывали для уничтожения гугенотов, вывел его из затруднительного положения. Он уехал в Париж, так и не зная ничего о состоянии жены и о том, какого исхода ему следует желать или опасаться. Не успел он прибыть в столицу, как там начались убийства гугенотов: первым пострадал их вождь, адмирал де Шатийон, а через два дня произошла чудовищная резня, печально известная по всей Европе. Несчастный граф де Шабан, укрывшийся на окраине одного из парижских предместий, дабы в уединении предаться своему горю, разделил участь бывших единоверцев. Хозяева дома, где он нашел приют, узнали его и, вспомнив, что некогда его подозревали в принадлежности к партии гугенотов, убили его в ту самую ночь, которая стала роковой для стольких протестантов. Наутро принц де Монпансье, отправившись за город сделать кое-какие распоряжения, проезжал по той самой улице, где лежал труп графа. Он был поражен этим душераздирающим зрелищем, в нем проснулись на миг былые дружеские чувства, и он опечалился, но потом, вспомнив об оскорблении, которое якобы нанес ему граф, обрадовался, сочтя, что за него отомстила сама судьба. Герцог де Гиз, охваченный поначалу желанием отомстить за смерть отца, а потом и упоением этой местью, все меньше тревожился о том, что сталось с принцессой де Монпансье: встретив маркизу де Нуармутье, даму весьма умную и красивую, к тому же сулившую больше приятных надежд, нежели принцесса, он полностью отдал ей свое сердце, полюбив ее страстной любовью, которая угасла лишь вместе с его жизнью. Между тем недуг принцессы, после того как миновал кризис, начал отступать. Она пришла в сознание, сообщение об отъезде принца принесло ей облегчение, и появилась надежда на выздоровление. Силы, однако, возвращались к ней медленно из-за душевных мук; ее неотступно терзала мысль, что за все время болезни она не имела никаких известий о герцоге де Гизе. Она спросила у дам из своего окружения, не приходил ли к ней кто-нибудь и не было ли для нее писем. Не услышав ничего утешительного, она почувствовала себя несчастнейшим существом на свете, ибо человек, ради которого она рисковала всем, покинул ее. Еще одним потрясением стала для нее гибель графа де Шабана, о которой она узнала стараниями принца де Монпансье. Неблагодарность Гиза заставила ее еще тяжелее переживать утрату друга, чья преданность была ей так хорошо известна. Столько тяжких потерь вскоре вновь повергли ее в то опасное состояние, от которого она едва успела оправиться. И поскольку маркиза де Нуармутье была из тех женщин, которые прилагают столько же усилий к тому, чтобы об их любовных похождениях стало

известно, сколько другие к тому, чтобы их скрыть, ее связь с герцогом де Гизом получила такую широкую огласку, что принцесса, даже болея и живя вдали от Парижа, не могла остаться в неведении. Этот последний удар стал для нее смертельным. Она потеряла все – самого верного в мире друга, уважение мужа, сердце возлюбленного – и не смогла пережить боль этих утрат. За несколько дней смерть унесла в расцвете лет эту прекраснейшую принцессу, которая могла бы стать и счастливейшей, если бы всегда поступала так, как велят добродетель и благоразумие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.